

КИРИЛЛ РЯБОВ

ФАШИСТЫ

18+

Содержит
нецензурную
брань

КНИЖНАЯ
ПОЛКА
ВАДИМА
ЛЕВЕНТАЛЯ

Кирилл Викторович Рябов

Фашисты

Серия «Книжная полка
Вадима Левенталья»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68849202

Фашисты: ИД «Городец»; М.; 2022
ISBN 978-5-907483-85-9

Аннотация

Кириллу Рябову дан удивительный дар, избегая традиционного и часто пустопорожнего многословия русской прозы, соединять в своих рассказах все болевые точки и лейтмотивы отечественной (да и мировой) гуманистической традиции, также известной как любовь и сострадание к ближнему.

Выморочные пространства городских окраин, бесприютные квартиры многоэтажек в рассказах Рябова не повод для унылого бытописательства, но полный энергии абсурда и отчаяния пограничный мир между сном и явью, лимб без шанса на побег.

Содержание

Отец ждёт	5
Фашисты	35
Хуже героина	58
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Кирилл Рябов

Фашисты

© К. Рябов, 2022

© ИД «Городец», 2022

© П. Лосев, оформление, 2022

Отец ждёт

В свой последний запой Селиванов уходил тяжело и отрешённо. Он не пил четырнадцать месяцев. Жена в очередной раз наивно поверила, что теперь так будет всегда.

Ночью он плохо спал. Сны были короткие, тревожные и безумные. Снился покойный брат. Будто пришёл грязный, прямо из могилы, и попытался залезть в окно. Потом приснилась бывшая любовница. Селиванов собирался ей отлизать, но вдруг увидел, что вместо влагалища у неё гигантский кузнечик с головой воробья. Каждый раз он вздрагивал и просыпался. Вставал, шёл на кухню, курил, пил воду и смотрел в окно на пустую улицу. Тревога не отпускала. И странное ощущение физического неудобства. Как будто его сложили надвое, затолкали в чемодан и закрыли. Селиванов возвращался в постель. Жена тихо сопела, повернувшись спиной. Тёплая, мягкая и нежная. Ему хотелось прижаться к ней. Но он боялся её разбудить. У него были холодные руки и ледяные ноги.

Утром, выбравшись из очередного муторного кошмара, Селиванов понял, что опять обманул и себя, и жену. Она уже встала. С кухни доносился приглушённый звук работающего телевизора. Лиля готовила завтрак. На часах было ровно десять. Селиванов вышел из комнаты. На сковородке жарилась яичница с помидорами. Чайник выдувал струю пара, гото-

вый засвистеть.

– А ты хорошо спал? – спросила Лиля, вытирая полотенцем руки.

– Ну, да, – ответил Селиванов, глядя в окно.

Улица была пуста, как и ночью.

– Просто я смотрю, в пепельнице окурков полно. Я вчера, когда ложилась, встряхнула.

– Вставал несколько раз, потом засыпал. Какая-то чертовщина снилась.

– Какая? – спросила Лиля.

Чайник засвистел. Она погасила огонь.

– Да я толком и не помню уже.

– Надо было пустырник выпить.

– Он же на спирту, – сказал Селиванов рассеянно.

– Таблетки. Настойку я и не покупаю.

– А. Ладно, пойду умоюсь.

Он заметил тревогу в глазах жены и ушёл в ванную. Долго чистил зубы, умывался, причёсывался. Собственное лицо казалось ему отвратительным. Селиванов подумал об отце. Потом о настойке пустырника, точнее, о спирте, который там содержался. Его бросило в жар.

– Идёшь завтракать? – позвала Лиля.

– Иду, – пробормотал он в полотенце, которое с силой прижимал к лицу.

Аппетита, конечно, не было. Жидкий яичный желток одним своим видом вызвал тошноту. Селиванов, почти не жуя,

проглотил завтрак. Лиля налила ему чашку чая и стала что-то рассказывать. Он кивал, поглядывая в окно. Слова жены пролетали мимо. По улице прошёл одинокий старик с седой бородой.

– Смотри, – сказал Селиванов. – На Толстого похож.

– Кто? Где?

Она посмотрела на экран телевизора, где человек с лицом уголовника рассказывал о народной медицине, потом повернулась к окну. Старик уже свернул в арку.

– Там дед был, на Толстого похож, – сказал Селиванов. И уточнил: – На Льва.

– Ты не хочешь ещё поспать? – спросила Лиля.

– Нет. Зачем?

– Ты ведь плохо спал ночью.

– Нормально я спал, не переживай.

Он заметил, что жена смотрит на него почти с отчаянием. Она всё поняла. Но ему вдруг стало это безразлично.

Селиванов закурил и сказал:

– Погода какая хорошая. Я, наверное, прогуляюсь.

– Перестань.

– Что? Почему?

– Не ходи. Я тебя прошу. Давай дома побудем сегодня.

Он рассмеялся.

– Мы и так никуда не выходим. В магазин и обратно. С ума же можно сойти.

– Пока не сошли, – сказала Лиля.

– Это пока.

Она ушла в комнату. Селиванов курил и смотрел в окно. Он заметил, что стекло слегка засрано мухами. Вспомнил, что Лиля уже несколько раз просила его вымыть окна. Она боялась высоты.

Он стал одеваться. Скинул спортивки и натянул джинсы. Футболку оставил домашнюю, с дыркой от сигареты на животе. Надел ветровку и заметил, что вся его обувь исчезла.

– Лилия, выйди, – позвал Селиванов.

Она выглянула из комнаты.

– Где мои кроссовки?

– Я их спрятала, – сказала она.

– Ладно.

Он открыл шкафчик, где стояли зимние ботинки, старые кеды и дешёвые туфли, подаренные тещей. Селиванов надевал их всего раз. Внутри было пусто. Лилия внимательно на него смотрела.

– Прекрати, – сказал он.

– Это ты прекрати! – закричала она.

Селиванов заглянул на антресоли, потом под ванну. Продолжать поиски ему расхотелось. Лилия могла просто вышвырнуть всё в окно. Такое уже случалось.

Некоторое время он обдумывал ситуацию.

– Знаешь что? Мне плевать! Я и так пойду.

Он застегнул куртку и вышел из квартиры в носках.

Лиля позвонила минут через пять. Селиванов шёл по пустой улице. В соседнем дворе нелегально работала рюмочная с провокационным, особенно для жён алкоголиков, названием «Главная пристань». Туда он и направлялся.

– Я дам тебе один шанс вернуться, – сказала Лиля.

Она плакала.

– Так ведь я же вернусь, – ответил Селиванов.

– Сейчас! – заорала она.

– Скоро. Хочу встретиться с отцом.

– Миш, ты чего? Ты когда его видел вообще последний раз?

– Ну, вот, значит, пришло время.

– Да ты даже не знаешь, где он живёт, дурак.

– Это не так сложно узнать.

Селиванов остановился у входа в рюмочную.

– Я поняла, – сказала Лиля. – Поняла. Дура! Дура! Дура!

Тупая дура!

Он вдруг представил, что жена бьёт себя кулаком по голове.

– Лиль, не надо.

– Дура! Ненавижу себя! И тебя ненавижу!

Он нажал отбой и зашёл в рюмочную. Посетителей не было. Придут позже, никуда не денутся. Вечером свободных

мест не будет. За стойкой женщина в медицинской маске смотрела телевизор, установленный на кронштейн.

– Здравствуйте, – сказал Селиванов, чувствуя лёгкую дрожь. – «Народной» сто пятьдесят грамм и томатный сок.

Он выбрал самую дешёвую водку. Это не имело значения. Вся водка здесь была одинаковая. Раздатчица налила. Селиванов расплатился, тут же выпил залпом и со стаканчиком сока переместился за столик. Внутри раскручивался маленький сияющий моторчик и набирал силу. Возникло дурацкое желание найти где-нибудь подкову и разогнуть её на глазах изумлённой раздатчицы.

Зашёл мужик в маске, заказал и подсел к Селиванову с графинчиком водки и бутербродами на тарелке. Это был Витя Ерёменко, бывший хирург детской больницы. Пару лет назад его уволили. Витя спивался. Когда-то у него была красивая жена.

– Здорово! – сказал Витя и выпил полстакана. – Развязал?

– Вышел прогуляться, – ответил Селиванов. – К отцу хочу.

Витя вытер маской взмокшее лицо и сунул её в карман.

– В метро без намордников не пускают. У тебя есть?

Селиванов сходил к стойке и вернулся с полным стаканом.

– А башмаки где? – спросил Витя.

– Я йог, – ответил Селиванов. – Сплю на гвоздях, ем толчёное стекло, умываюсь огнём.

– Самое время это сделать. – Витя поднял стакан.

Они выпили. Курить в рюмочной не запрещалось, и они достали сигареты.

– Ты знаешь, что тайное правительство – это гигантские насекомые? – спросил Витя. – Вроде бы шершни.

Потом он несколько раз чихнул. Селиванов достал телефон. Пропущенных вызовов не было. Эсэмэс тоже никто не прислал. Он поискал в контактах номер.

– У тебя знакомые бляди есть? – подал голос Витя. – Я одну знаю. Можем сходить к ней. Она беззубая.

– Подожди.

Селиванов вышел на улицу и нажал вызов. Ответил пожилой мужчина.

– Здравствуй, дядя Петя.

– Кто говорит?

– Миша.

– Миша? Ах, Миша! Доброе утро, Миша. Давно не виделись.

– У меня к вам дело.

– Хочешь денег занять?

– С чего вы решили?

– В прошлый раз так и было. Ты звонил занять денег.

– Сколько взял? – спросил Селиванов.

– Нисколько. Ты приехал ночью на такси. Потом уснул у меня в прихожей на диване. А утром ушёл.

– И всё?

– Забыл полбутылки коньяка. Если хочешь, можешь за-

братъ. Я поставил в сервант.

– Могли бы выпить.

– С моей-то поджелудочной? – сказал дядя Петя.

– А чего с ней не так? – спросил Селиванов.

– Она каменная.

– В каком смысле?

– Не знаю. Врач так сказал. Я делал УЗИ. И врач сказал, что у меня поджелудочная как камень. А ещё желчный пузырь кривой. В общем, мне лучше не пить.

– Ладно, может, заберу.

– После карантина. Хорошо? Сейчас я тебя не пущу.

Вышел Витя.

– Так что, Миша? Ты хочешь занять денег? – спросил дядя Петя.

– Нет. Хочу встретиться с отцом. Вы знаете, где он?

– Конечно. Недалеко от Спасо-Парголовской церкви.

– Давно туда переехал?

– Ты же знаешь, он на месте не сидит.

– Какой адрес? – спросил Селиванов.

Дядя Петя продиктовал.

– Записал?

– Я запомнил. Спасибо, дядя Петя, до свидания.

– До свидания, Миша.

– Слышишь, – сказал Витя. – Если ты застудишь ноги, у тебя вены вылезут размером с канаты. Идём к Шурику, он тебе даст какие-нибудь штиблеты.

Шурик занимался ремонтом обуви. Последний раз Селиванов видел его года три назад.

– А он жив?

– Конечно. Только в магазин зайдём. У тебя есть деньги?

Они прошли полквартала, встретив всего пару прохожих. Было прохладно. Время от времени из-за туч выглядывало солнце, но тут же снова пряталось.

– Менты, – сказал Витя.

Навстречу им медленно ехал патрульный автомобиль. Витя достал из кармана маску, уронил, наступил на неё, подобрал и торопливо натянул на опухшее, небритое лицо. Селиванов прикрыл лицо ладонью. Но полицейские даже не посмотрели в их сторону.

В магазине Селиванов взял три бутылки водки. Еду покупать не стал. Витя сказал, что у Шурика полно закуски.

* * *

Дверь открылась, и проём заслонила гора. Селиванов с трудом узнал Шурика. Теперь он весил под триста килограммов. Стоял, опираясь на металлические костыли, и тяжело дышал.

– Привет, ребята, – сказал Шурик неожиданно тонким голосом. – Проходите.

Они вошли. Селиванов машинально наклонился, чтобы развязать шнурки на ботинках.

– Помнишь Мишу? – спросил Витя.

– Да, конечно.

– Давно не виделись, – сказал Селиванов смущённо.

– Это неудивительно. Я редко выхожу, – ответил Шурик.

В комнате он сразу лёг на двуспальную кровать без ножек, заняв её целиком. Витя принёс три стакана.

– Я не буду пить, ребята. Но вы не стесняйтесь.

– Точно?

– Да, да, пейте. Поговорим. Мне ужасно одиноко.

Шурик рассказал, что жена бросила его два года назад. Она забрала детей, двух дочерей-школьниц. Это было ужасно. Он обожал их. Как-то раз Шурик попытался встретиться с ними, дождался у школы. Но дочери убежали, увидев отёчного монстра.

– Всё наладится, старик, – сказал Витя и похлопал Шурика по спине. Тот лежал на животе.

– Не думаю, – вздохнул Шурик. – Мне кажется, я скоро умру. Вряд ли доживу до конца года.

Селиванов попытался представить, как будет выглядеть гроб, в который положат Шурика. И сколько понадобится людей, чтобы его дотащить.

– Тебе нужна операция. Откачать жир. И зашить в желудок специальный баллон. Как у Соловьёва.

– Но у меня нет денег. Я не работаю. Клиентов мало. Пенсия по инвалидности копеечная. А ещё алименты.

Это было невыносимо – смотреть на огромную кучу чело-

веческих страданий.

– Мы тебе поможем, – сказал Витя. – Не знаю только как.

– Спасибо, друзья, я тронут. Выпивайте, не обращайтесь на меня внимания.

– У тебя ведь даже бабы не было давно, правда?

– Да, конечно. Ни одна женщина не захочет даже просто посидеть со мной рядом и подержать за руку.

Шурик раскачался и перевернулся на бок. Кровать затрещала. Он был похож на морского слона. Селиванову пришла в голову дурацкая картинка. Он подбрасывает кусок морковки, и Шурик ловит её в воздухе своим огромным ртом.

Витя разлил водку в стаканы.

– За тебя, Санёк! За твоё счастье.

– Спасибо, ребята.

– Кстати, у тебя нет каких-нибудь ненужных ботинок?

– Посмотрите в кладовке. Но там хлам, рвань.

– В кладовке, – сказал Витя.

– Потом, – махнул рукой Селиванов.

Они выпили.

– Слушай, а закусить есть? – спросил Витя.

– Конечно. В холодильнике. Мне мама приносит продукты.

– За твою маму!

Витя сходил на кухню и вернулся с яблоком и сыром.

Они продолжили пить и разговаривать. Селиванов не заметил, как уснул, сидя в старом советском кресле. Ему при-

снилось, что он тореадор, а вместо быка на него выпустили неуклюжего морского слона. Надо было проткнуть его саблей. У Селиванова не поднималась рука это сделать. Морской слон был жирный, жалкий и беззащитный. Толпа требовала крови. Им нужно было убийство. Селиванов уронил саблю и заплакал. На этом сон прервался. Он проснулся и увидел в полумраке голую тощую морщинистую женщину. Она ползала по туше Шурика. Рядом стоял Витя и давал указания.

– Ищи, ищи.

– Да ищу я, ищу, – отвечала она шепеляво.

– Не надо, ребята, просто отдохайте, развлекайтесь, – отвечал Шурик.

– Санёк, это же живая баба. Она всё сделает.

Селиванов сходил в ванную, умылся. Вернувшись, он увидел, что женщина сидит на его месте и пьёт пиво из литровой пластиковой бутылки.

– Маринка, ты такая дура, – бормотал Витя. Он сидел на полу. Голова свесилась на грудь.

Маринка лягнула его ногой. Витя лязгнул зубами и повалился на спину. Шурик молча смотрел на происходящее.

– Я пойду, – сказал Селиванов.

– Оставайся. Уже ночь, – ответил Шурик. – Если хочешь лечь, на кухне есть диванчик.

– Спасибо.

Он вышел на кухню и лёг. За окном что-то шелестело.

Кажется, шёл дождь. Пришла Марина и стала рыться в холодильнике, отклячив голый зад. Селиванов подумал, что эта шалава сожрёт продукты, которые несчастному Шурику принесла старенькая мама. И заплакал.

– Ты чего? – спросила Марина. Она жевала.

– Ничего, – сказал Селиванов.

– А я паштет ем.

Она ушла. Селиванов почувствовал, что трезвеет. Ему стало страшно. Он сходил в комнату, взял бутылку водки. Марина сидела в кресле, раздвинув дряблые ноги. Витя спал на полу. Печальный Шурик смотрел телевизор. Селиванов хотел сказать ему что-то доброе и ободряющее, но ничего не смог придумать. Он вернулся на кухню и стал пить в темноте. Дождь прекратился. Проехала машина, шурша шинами по асфальту. Потом запела ночная птица. То есть не запела, конечно, а просто зачирикала, причём довольно противно.

* * *

Его разбудил Витя. Селиванов открыл глаза, зажмурился, застонал от головной боли и тошноты. Рядом лежало тёплое и мягкое тело. На секунду он сдуру решил, что Лиля нашла его ночью, но не смогла разбудить и увести домой, поэтому устроилась рядом. Он поднял голову. Рядом лежала Марина. Одну ногу она закинула Селиванову на бок. Он столкнул её.

– Который час?

– Неважно, – махнул рукой Витя. – Шурик умер.

– Да ты что! – сказал Селиванов. – Погоди. Точно?

– Я же врач.

– А от чего?

– Да откуда мне знать? От сердца, наверное.

Селиванов схватился за голову.

– А выпивка есть?

– Нет ничего. Всё вылакали. Эта манда всё допила.

Марина не шевелилась. Селиванову стало страшно. Может, и она умерла? Шурик решил, что одному скучно будет, и забрал её с собой.

– Эй! – Витя потряс её за руку.

– Отъебись, – простонала она.

Селиванов с трудом встал, обошёл Витю и заглянул в комнату. Работал телевизор. Шурик лежал на животе, уткнувшись лицом в подушку. Селиванов медленно протянул руку и тронул его за плечо. Потом потряс. Кажется, наступало окоченение. Все эти сотни килограммов жира стали непривычно твёрдыми.

– Иди сюда, – позвал Витя.

– Чего?

– Посмотри там в кладовке, он говорил, есть башмаки. И пошли отсюда.

– А Шурик?

– Ох, – сказал Витя.

Он ушёл в ванную. Селиванов услышал, как его рвёт. Ма-

рина открыла глаза.

– Выпить есть?

– Нет. Шурик умер, – сказал Селиванов.

– Да ладно!

Он пожал плечами. Достал из кармана телефон. Половина восьмого. Никто не звонил. И не писал. Стало немножко не по себе. Раньше, когда он так же уходил, Лиля без конца доставала звонками. С другой стороны, так даже лучше. Меньше ругани.

– Я пошла отсюда, – сказала Марина.

– Надо вызвать кого-то, – пробормотал Селиванов. – Мен-тов или скорую.

– Флаг в руки, барабан на плечи. Хоть пожарных. Я сваливаю.

Она ушла в комнату, тут же появилась с охапкой одежды в руках. Из ванной вывалился Витя.

– Правильно, идём отсюда.

Селиванов сел, достал сигареты.

– Надо позвонить, – сказал он.

– Без нас позвонят. Мать его придёт и позвонит куда надо.

Дверь оставим открытой.

Марина оделась и вышла на кухню. Открыла холодильник и стала выгребать продукты.

– А ты чего вообще делаешь? – спросил Селиванов.

Она не ответила. В мятый пакет сложила яблоки, колбасу, консервы, какие-то нарезки. Из морозилки достала две пач-

ки пельменей, курицу.

– Идёшь? – позвал Витя.

Селиванов не ответил.

– Ну, смотри.

Они ушли. Он покурил. Потом умылся. Вернулся на кухню. Вспомнил почему-то, как в детстве гулял по парку и увидел за кустами в канаве мёртвую собаку. Сначала Селиванову показалось, что она живая. Он пролез сквозь ветки и чуть не свалился в обморок от вони. Потом этот запах часто ему мерещился. Селиванов представил, как будет пахнуть Шурик, если его вовремя не найдут. Мама его обнаружит, вот кто. Старушку такое зрелище убьёт на месте. Нужно было похмелиться и принять решение. Он порылся в кухонных шкафчиках. Заглянул в разорённый холодильник. Там одиноко стояла ополовиненная банка горчицы. Трясучка уже подступила. Пока слабая. Сильной она станет через несколько дней пьянства.

Селиванов вернулся в комнату и собрал пустые бутылки, три водочные и две пивные. Сначала слил остатки водки, набралось около двадцати граммов. Пива не осталось ни капли. Он закинул в рот этот маленький глоток водки. Слишком мало. Даже знакомый, любимый отвратительный вкус не почувствовал. Скрипнула кровать. Селиванов вздрогнул и выронил стакан. Шурик лежал в той же позе. Бедняга. Вряд ли бывшая жена и дети придут к нему на похороны. Селиванов заглянул в шкаф, где была аккуратно развешана одежда

гигантских размеров. Где он только её доставал? На заказ, что ли, шил? Потом он опустил дверцу советского серванта. Вся верхняя и нижняя полка были заставлены миниатюрными бутылочками разного алкоголя: водка, виски, коньяк, джин, ром. У Селиванова сильнее затряслись руки. Видимо, Шурик привозил из отпусков, когда ещё ездил куда-то. Коллекционировал. Наверное, его сожгут. Это дёшево и просто. Не понадобится копать огромную могилу. Останется от него килограммов десять пепла.

Селиванов выпил подряд четыре бутылочки водки. Немного подождал и добавил ещё две. Стало легко и спокойно. Он вышел на кухню, покурил. Потом набрал 112.

Дверь в квартиру была открыта. Вскоре пришёл полицейский в медицинской маске.

– Вы звонили? – спросил он, заглядывая в комнату. – Что это, что?!

– Это Шурик, – ответил Селиванов. – Он был крупный парень.

– Вижу, вижу.

Полицейский вышел на кухню.

– Я участковый. Старший лейтенант Кривенко. Маску наденьте.

– У меня нет, – развёл руками Селиванов.

– А друг ваш, он, это самое, не болел? Не чихал? Не кашлял?

– Нет, ничего такого.

– Выпил много?

– Он вообще не пил, – сказал Селиванов.

– Ладно. Ясно. А вы в гости зашли, правильно?

– Да, зашёл.

– Родственники у него есть?

– Вроде мама, говорят.

– Не уходите пока. Я паспорт поищу.

Он ушёл в комнату. Селиванов достал из кармана маленькую бутылочку и быстро высосал.

* * *

Квартира быстро наполнилась людьми. Пришли соседи. Потом прибежала пожилая женщина, завyla и упала посреди коридора. Остро запахло корвалолом. Санитары труповозки топтались в прихожей. Селиванов услышал, как один из них сказал:

– Мы его и до лифта не дотащим, даже волоком.

– Не дотащим, – подтвердил второй.

Маму Шурика соседи пытались увести к себе. Она вырывалась, захлёбываясь слезами. Селиванов представил, как она падает на громадное тело сына, бьёт его кулаками. Стало жутко. Он достал второй бутылёк, присосался. За этим его застал Кривенко.

– Ваше имя, телефон и адрес, пожалуйста, – сказал он, странно моргая левым глазом.

Селиванов задумался, потом назвал.

– Кто-то ещё тут был? – спросил участковый.

– Был мой приятель Витя Ерёменко и ещё одна баба. Не знаю её. Марина зовут. Беззубая.

– А, это Хлеборезка, – сказал Кривенко.

Он сел рядом с Селивановым, сдвинул маску на подбородок и закурил.

– Криминала, похоже, нет. У него даже кошелёк на месте. Кольцо ещё обручальное. Оно, правда, вросло. Его и не снять.

– От него жена ушла, – сказал Селиванов. – И детей забрала.

– Неудивительно. Бабы часто бросают в беде.

– Все?

– Ну, нет, конечно. Не все.

Из комнаты раздался истошный вопль. Участковый поморщился.

– Маму жалко.

– Я думал, она старуха, – признался Селиванов. Он допил, но хотел ещё.

– Не, ей шестьдесят всего.

– А Шурику?

Кривенко заглянул в паспорт.

– Сорок. Ровно сорок дней назад исполнилось. Это мистика или не мистика?

– Не знаю, – пожал плечами Селиванов.

Участковый снял целлофановую перчатку и почесал глаз.

– Слушай. А ты прилично выглядишь.

– Да? Спасибо.

– На здоровье. Я вот к чему. Хлеборезка – шалава и пьянь.

Бывшая проститутка. Две судимости. Я хорошо её знаю. Ерёмченко – алкаш. Два месяца назад из дурки вышел. А ты-то с ними чего делал? И зачем вы сюда пришли?

Селиванов немного смутился.

– У меня запой.

– А.

Пришёл санитар.

– Мужики, надо помочь. Нам вдвоём его не вытащить.

– Сейчас.

Кривенко докурил, бросил окурочок в пустую бутылку.

– Идём.

Шурика свалили с кровати на брезентовые носилки и почти волоком потащили к выходу. Селиванов быстро выдохся. Кривенко от натуги стал пунцовым. Санитары выглядели бодрее. Сзади шла мама Шурика и выла так, что леденела кожа.

«Почему её никто не увёл и не запер?» – подумал Селиванов.

Тело кое-как запихали в лифт, и оно заняло всё пространство. Селиванов отвернулся, чтобы не смотреть на мёртвое лицо. Один из санитаров быстро нажал кнопку первого этажа.

– Живо!

Они побежали вниз по лестнице. Впереди санитары, за ними участковый, в хвосте плёлся Селиванов. Когда он добрался до первого этажа, Шурика уже выволокли из кабины.

– Ну, понесли?

Сверху на них сыпались рыдания.

Микроавтобус стоял у парадной. Задние двери были открыты. Водитель помог затолкать тело в кузов.

– Это пиздец! – выдохнул Кривенко, согнулся и закашлял.

Селиванов сел на влажный поребрик. Ему будто выдрали лёгкие. Он достал бутылёк и вылакал в два глотка.

– Иди домой, – сказал участковый.

– Ага.

– Я серьёзно.

– Иду, иду.

Он поднялся и вышел со двора. Дом был справа. Он повернул влево. Витя Ерёменко сидел на ступеньке рюмочной и сворачивал самокрутку из выпотрошенных хабариков.

– Позвонил? – спросил он.

– Позвонил.

– Забрали?

– Забрали.

– Что сказали?

– Кому?

– Про Шурика.

Витя поджёг самокрутку спичкой, и она тут же развали-

лась и осыпалась угольками ему на штаны. Он подскочил, стал стряхивать.

– Уй, сука!

Селиванов достал бутылёк и вылил в рот. Швырнул в урну. Это был последний.

– Миш, пойдём, помянем Санька?

Они зашли, выпили по сотке. Потом ещё.

– А ты чего, никакие башмаки не взял себе? – спросил Витя. – Я говорил, ноги застудишь, придётся вены вырезать.

– Да мне наплевать, – пробормотал Селиванов.

Всё уже плыло перед глазами. Он доковылял к столику и обмяк.

– Ко мне пойдём, – сказал Витя. – У тебя деньги остались?

* * *

Селиванову приснился короткий и душный сон, в котором он отдирал с большого пальца заусенец, но тот не отрывался, только вытягивался, удлинялся, как струна, и распарывал кожу. В конце концов он его выдрал вместе с ногтём и осмотрел обезображенный палец. На месте ногтя Селиванов увидел маленькую свастику. Стало страшно, что на него заведут дело и посадят в тюрьму. Нужно было избавиться от пальца, отсечь его. Но не было ножа. Селиванов нашёл в кармане кусок старой обёрточной бумаги и обмотал палец.

Его разбудил голос. Селиванов открыл глаза и увидел по-

толок. Он повернулся на бок и обнаружил, что лежит на раскладушке поверх каких-то тряпок. Рядом сидел Витя со стаканом в руке.

– Что? – спросил Селиванов.

– Тебе кто-то звонил.

– А, ладно.

Голова была тяжёлая. Опыянение ещё не прошло. Селиванов решил пока не двигаться. Витина комната была маленькая и неряшливая. Повсюду стояли пустые бутылки. На подоконнике стояли горшки с мёртвыми растениями.

– Миш, ты как думаешь, дети могут в ад попасть? – спросил Витя.

– Для детей там, кажется, есть отдельное место, – сказал Селиванов.

– Да, я знаю. Лимб. Но туда попадают невинные души, младенцы. А если ребёнок большой и успел натворить чего-то? Животных мучил, воровал, обманывал бабушку.

– Не знаю, Вить. Откуда мне знать? Ты сам как считаешь? Витя пожал плечами.

– Надо сходить в церковь, у попа спросить.

– Да, это правильно.

Потом они напились и немного поругались. Селиванов сидел на раскладушке. Витя развалился на диване.

– Идиот, зачем ты сказал мусору, что я был у Шурика?

– Но ты ведь был. А потом ухиялял. Мне пришлось выгребать. И Шурика тащить в катафалк. У меня чуть ноги в об-

ратную сторону не сломались.

– Вместе надо было валить.

– Неправильно так делать. Он же нас в гости пустил.

– И помер. Ему без разницы.

– Всё равно хреново так поступать. Не по-людски.

– Ой, блядь, ещё одна совесть вылезла.

Витя помолчал, а потом рассказал, как его выгнали из больницы. Во время операции умер ребёнок. Витя был в этом не виноват. Анестезиолог ошибся. Но его мамаша оказалась какой-то чиновницей в здравоохранении.

– Мамаша чиновница, а сын простой анестезиолог? – спросил Селиванов. – Пиздёж это всё.

– Никакой не пиздёж! Он нормальный парень. Хотел людям помогать. Но когда эта херня случилась, он сразу и поплыл, испугался. Мамаша за него вписалась. Меня чуть не посадили. Говорили, что я с похмелья пришёл на операцию.

– А нет?

– Да это мелочи. Я всё как надо сделал.

– Ну, не переживай тогда.

– Да мне вообще всё равно.

Селиванов вспомнил про звонок и достал телефон. Звонил дядя Петя.

– Алло, да, дядя Петя, что хотел? – скороговоркой спросил Селиванов.

– А я хотел спросить, дошёл ли ты к отцу.

– Ну, нет, ещё нет. Дела были. Тут мой друг умер внезап-

НО...

– Я живой! – слабо выкрикнул Витя.

– Ясно, – сказал дядя Петя. – Ну ты бы поспешил, Миша.

– Я спешу.

– Да, да, поспеши. А то так и не повидаете его.

– Повидаю, повидаю.

– Ну, я надеюсь, надеюсь.

Селиванов нажал отбой. Налил водки.

– Кому ты звонил?

– Да так.

– Бабе?

– Нет.

Витя с трудом сел.

– Позвони жене.

– Не-не-не. Она расстроилась. Орать будет.

– Моей позвони. Хочу послушать её голос.

– Так ты сам позвони.

– Она меня заблокировала, – сказал Витя, тараща глаза.

– И зачем она тебе? Бросила – значит, не любила.

– Набери. Жалко, что ли?

Селиванов набрал и включил громкую связь.

Вспомнил, что бывшую жену Вити зовут Ольга.

«И титьки у неё как дыни», – подумал он пьяно.

Она ответила после первого гудка.

– Алло, я слушаю.

У Вити потекли слёзы.

– Говорите! Алло! Костя, это ты? Алло!

Витя кусал ладонь. Селиванов обратил внимание на его тонкие, как у пианиста, пальцы. Но с грязными, обкусанными ногтями.

– Вы что, мой голос записываете? – спросила Ольга. – Ну, слушайте! Вы хуесосы, твари и пидоры! Чтоб вы сдохли от рака! Чтоб вы говно жрали!

Она долго материлась и проклинала их. Потом отключилась.

– Спасибо, – сказал Витя.

– Пожалуйста, – ответил Селиванов.

* * *

Он собирался уйти следующим утром. Немного опохмелиться, может, попробовать принять душ в грязной Витиной ванной и отправиться к отцу. Но утром они опять пили, потом легли спать. Проснувшись днём, Селиванов не смог встать, его трясло. Витя сходил в магазин и принёс водки. Выпил сам, потом зажал голову Селиванова борцовским захватом и влил в рот полстакана. Минут через десять трясучка прошла. Они продолжили пить. Мир исказился. День и ночь перепутались. Действительность встала с ног на голову. Селиванов просыпался, пил, засыпал, опять просыпался, опять пил, опять засыпал. Снов не было. Выходить из квартиры не хотелось. Он давал Вите банковскую карту, и тот хо-

дил в магазин. В комнате почти не осталось свободного от пустых бутылок места. Селиванов курил и читал названия этикеток. Начинали они с «Русского стандарта», а последние дни Витя приносил палёнку за шестьдесят рублей из павильона «24 часа». Деньги заканчивались. Никто не звонил. Стало казаться, что кто-то сидит в шкафу и тяжело вздыхает.

– Вить, какой день недели? – спросил Селиванов однажды.

– Не знаю. Среда. Слушай, денег сколько осталось?

– Сейчас.

Он достал телефон, открыл приложение.

– 122 рубля.

«Всё пропил», – мелькнула равнодушная мысль. – Как раз две бутылки, – сказал Витя. – Сползаю?

– Давай. Но возьми одну. Надо оставить на проезд.

– Какой проезд?

– К отцу. Я к отцу собирался.

– А, точно.

Витя ушёл. Селиванов, перебарывая тряску, выбрал в пепельнице хабарик и закурил. Шкаф продолжал его беспокоить. Он докурил и ушёл на кухню. Бросил окурочок в раковину с горой посуды. Тревога не отпускала. Селиванов отчётливо слышал тяжёлый вздох. Теперь оно пряталось под столом. Он заглянул. Никого. Проверил ванную и туалет. Всё было чисто, в переносном смысле, конечно. Значит, шкаф. Селиванов вооружился кухонным ножом, подкрался и распахнул

дверь. Завоняло старой, слежавшейся одеждой. Внутри никто не прятался. Он и сам это понимал. Но ничего не мог с собой поделывать. Бросив нож, он доковывлял до раскладушки и лёг. И вдруг понял: чудовище сидит на лоджии. В этот раз оно слишком большое. Больше Шурика. Селиванов натянул на голову покрывало.

Пришёл Витя с двумя бутылками водки и толстой женщиной непонятного возраста. Она с трудом стояла на ногах.

– Это Зоя, – сказал Витя.

– Жизнь, – ответила она и тяжело опустилась на кровать.

– Налей мне скорее, – попросил Селиванов.

Витя шустро разлил в три стакана. Выпили. Зоя половину вылила на грудь. Селиванов немного успокоился. Выглянул на лоджию. Она была завалена хламом: лыжи, ящики, рванный ботинок, чучело белки.

– Вить.

– Чего?

– Я же просил оставить на проезд.

Витя махнул рукой.

– Да всё равно бы пропили завтра.

Селиванов подумал, что он прав. Зоя храпела, раскинувшись на спине. Витя налил в два стакана.

– Знаешь что? – сказал он. – Я понял: нет никакогорая и ада. Мёртвое навсегда останется мёртвым. Никакого продолжения потом не будет.

Селиванов выпил и лёг на раскладушку.

– И ладно, – пробормотал он, засыпая.

Ему приснился странный сон. Будто он весь с головы до ног оброс овечьей шерстью. Какие-то мужики в сапогах связали его верёвкой и бросили на грязный пол. Селиванову было очень страшно. Он пытался спросить, что с ним будут делать, но только блеял. Мужики протянули мозолистые руки и стали выдирать из него эту шерсть огромными клоками. Он заорал от дикой боли, заплакал и проснулся.

В комнате было темно. Он слышал храп Вити. Селиванов ощупал себя и сел. Опять его трясло. Но боли не было. На кухне горел свет. Он вышел. Там сидела голая Зоя.

– Есть выпивка? – спросил Селиванов.

Она достала из-под стола бутылку. Посуды не нашлось. Селиванов глотнул из горла.

– Зоя в переводе с греческого означает «жизнь», – сказала Зоя.

Она была грязная, толстая, с опухшим землистым лицом, свалывшимися волосами, обветренными губами, отвисшими до пупка титьками, с татуировкой на руке в виде купидончика.

– Да уж, – сказал он.

– А ты во сне плакал.

Он выглянул в окно. Начинало светать. Улица была пуста.

– Пора мне уходить. Отец ждёт.

– Ну, раз пора, значит, пора.

– Пока.

– Счастливого пути.

Селиванов посмотрел на неё, передёрнулся от отвращения и пошёл по коридору к выходу.

Фашисты

Восторг был такой, что хотелось выбежать из собственного тела.

Придя домой, Наташа переодела и умыла Ирочку, включила ей мультики на планшете, поставила разогреваться кастрюлю с супом и задумалась, кому позвонить в первую очередь. Вариантов было не так много, и она выбрала маму.

– Наталья, что случилось? – сказала мама вместо приветствия. – Что-то с Иррой?

– Нет-нет. Почему ты так решила? – спросила Наташа, расхаживая по кухне. Усидеть на месте было невозможно.

– Взгляни на часы, – строго сказала мама. – Обычно мы созваниваемся в шесть. А сейчас сколько?

– Ничего не случилось, успокойся. То есть нет, случилось! Ещё как случилось!

– Господи, помилуй!

– Случилась удивительная вещь. Сядь.

– Я лежу.

– Ой, тогда лежи. А почему ты лежишь? Тебе плохо?

– Нет, мне хорошо. Я поела и смотрю «Мужское и женское». Гордон обозвал гостя гнидой и пообещал оторвать ему яйца. Как ты считаешь, это нормально?

– Нет, это не очень нормально, – сказала Наташа. – Это как-то даже слишком. Зачем они такое показывают? И зачем

ты это смотришь?

– Но другого-то ничего нет, – сказала мама. – Ладно. Ты скажи лучше, что там у тебя произошло.

– Я сейчас взорвусь.

– В каком смысле?

– Меня пригласили сниматься в кино, – сказала Наташа и замерла с приоткрытым ртом.

Мама молчала.

– Ты слышишь?

– Слышу, конечно. А кто пригласил?

– Я гуляла с Ирочкой в парке. Подошёл мужчина, сказал, что он ассистент режиссёра и пригласил на съёмки.

– Он извращенец! – сказала мама. – Не вздумай никуда ходить.

– Нет. Он с «Ленфильма».

– Можно подумать, на «Ленфильме» нет извращенцев, – сказала мама.

– Почему ты так говоришь? Я его погуглила. Он есть на «Кинопоиске».

– Как его фамилия?

– Кузин. А главный режиссёр фильма какой-то Панкрашов.

– Не знаю таких. И когда ты идёшь?

– Завтра утром. Кстати, он пригласил нас с Ирочкой. Сказал, что нужна женщина с ребёнком.

– Мне это всё очень не нравится.

– Но почему?

– Я уже объяснила. И потом, ты ведь не актриса, Наталья.

Почему они тебя выбрали?

– Он сказал, что у меня подходящее лицо. Да и роль ведь не главная...

Наташа вздохнула и представила сценку. Режиссёр Панкрашов разглядывает на экране ноутбука фотографии актрис, задерживается на Наташиной, поворачивается к ассистенту и говорит: «Слушай, старик, а она ничего, давай на главную роль попробуем?» Правда, дальше в фантазию влезли мамины страхи, и ассистент Кузин ответил: «А можно я её потом высеку? Надо у реквизиторов кнут попросить». Панкрашов проворчал: «Только не как в прошлый раз! Пол не отмыть было».

– Такие вот новости, – сказала Наташа, чувствуя, что весь восторг куда-то улетучился.

– А гонорар тебе полагается? – спросила мама.

– Наверное.

– Ты не спросила?

– Я немного растерялась. Когда он подошёл, я испугалась, даже газовый баллончик приготовила.

– Кстати! – сказала мама. – Если всё-таки пойдёшь на эти пробы, баллончик держи при себе. Мало ли что.

– Обязательно!

– И про деньги спроси. А вдруг хорошо заплатят?

– Конечно, спрошу.

Они ещё немного поболтали. Вернее, говорила в основном мама. Она пожаловалась на чирей, рассказала про знаковую, заболевшую раком, назвала Гордона марамоем, а губернатора города старым маразматиком. Наташа сидела у окна, смотрела на улицу, слушала и время от времени повторяла:

– Ага. Ага. Ага. Ага.

Наконец, мама попрощалась.

Суп потихоньку выкипал. Наташа погасила огонь, налила в две тарелки, подождала, пока он немного остынет, и привела Ирочку.

– Мама, а когда мы будем в кино сниматься? – спросила дочь.

– Завтра всё узнаем, – сказала Наташа.

– А папе расскажешь?

– Посмотрим. Ешь.

– А можно я ему позвоню и расскажу?

– Давай мы сначала снимемся, а потом, когда уже фильм будет готов, ты ему расскажешь, сделаешь сюрприз. Договорились?

– Папа узнает, что мы в кино снимались, и сразу захочет вернуться, – заключила Ирочка.

Наташа промолчала.

Утром они пришли на «Ленфильм». С погодой не повезло, моросил холодный октябрьский дождик. Ирочка капризничала. Наташа плохо себя чувствовала. Она нервничала и

толком не спала ночью. Задремать удалось лишь под утро. Почти сразу зазвонил будильник. Встала с тяжёлой, неповоротливой головой. Возник соблазн никуда не идти. Но не хотелось расстраивать Ирочку. Дочь весь вечер говорила о съёмках.

В прохладном вестибюле «Ленфильма» толпился народ. Десяток обветшалых старух и несколько стариков, похожих на алкашей. Наташе показалось, что все на неё смотрят. Смутившись, она вывела Ирочку на улицу и набрала номер Кузина. Из трубки раздался протяжный женский стон. И тут же заиграло что-то скрежещущее, видимо, какой-то хеви-метал. Или как он там называется? Наташа в этом не разбиралась.

– Слушаю вас, – ответил усталый мужской голос.

– Валерий Александрович? – спросила Наташа. От волнения её голос слегка взвизгнул.

– Кто это?

– Наталья Попова. Вы вчера нас пригласили на пробы в кино. Помните, в парке? Мы с Ирочкой приехали.

– А, ну здорово, – сказал Кузин. – Вы внизу?

– Мы на улице стоим.

– Заходите внутрь.

И отключился.

– Мама, кому ты звонила? – спросила Ирочка.

– Режиссёру, – ответила Наташа.

– А что он сказал?

– Сказал зайти.

Они вернулись в вестибюль. К ним тут же подошла старуха с опухшим лицом, наклонилась к Ирочке и начала сюсюкать:

– А кьто тють у няс? Кьто? А как няс завуть?

Наташе стало противно. Ирочке, кажется, тоже. От старухи пахло пылью, паутиной и, возможно, могилой. Она достала из кармана конфету и чуть ли не силой запихала Ирочке в руку.

– Утю-тю-тю-тю. Какая миленькая, какая розовенькая.

– Простите, – сказала Наташа. – А вы тоже на пробы?

Старуха выпрямилась.

– Куда? – спросила она.

Из длинного коридора вышла полная женщина лет пятидесяти, стриженная под машинку.

– Так-так, – сказала она басом. – Все в сборе? Идёмте переодеваться.

Народ потянулся в коридор. Наташа стояла на месте. Заметила, что Ирочка разворачивает конфету, отобрала и сунула в карман. Дочь выпятила нижнюю губу и прослезилась.

– Это плохая конфета, – сказала Наташа. – Её нельзя кушать.

– Почему?

– Бабушка носила её в попе.

Ирочка сморщилась и высунула язык.

– Я тебе куплю хорошую конфету.

– Мамочка, а можно мне «Баунти»? Я так её люблю.

Женщина, стриженная под машинку, подошла к ним.

– Вы на съёмки «Фашистов» пришли?

– А я даже не знаю, – ответила Наташа, зачем-то достала телефон и зажгла экран, будто там была подсказка. – Нас пригласил Валерий Александрович Кузин.

– Идёмте переодеваться.

– А Кузин?

– Я за него, – сказала женщина.

– А что сейчас будет? Пробы? – спросила Наташа, шагая за женщиной.

– Зачем пробы? Сейчас переоденетесь и поедете на съёмки.

– Так сразу? А текст? Я не знаю, что говорить. И не репетировала.

– Ничего страшного, – сказала женщина насмешливо. – Тебя как зовут?

Она наклонилась к Ирочке.

– Иришенька солнышко, – ответила та важно.

– Ишь ты!

– А вас? – спросила Ирочка.

– Галина Антоновна, – произнесла женщина медленно и громко.

– А я думала, будут пробы, – продолжала Наташа.

– Да чего время тратить.

Они поднялись на второй этаж и зашли в костюмерную. Большое помещение было заставлено вешалками. Вести-

бюльные старики получали одежду для съёмок и уходили за ширмы.

– Наталья! – крикнула Галина Антоновна.

– Что? – дёрнулась Наташа.

– Это я не вам.

Пришла девушка лет двадцати с усталым лицом.

«Она тоже Наташа, – подумала Наташа. – Как я».

– У нас тут мать-героиня, – сказала Галина Антоновна. –

Переодень.

– Сделаем.

Наталья привела Наташу с Ирочкой в закуток. Забрала паспорт и принесла одежду: старое платье, телогрейку и бомжеватого вида ботинки. Ирочке досталось чуть более симпатичное платье и сандалики.

– Переодевайтесь, – сказала Наталья, закрыв закуток шторкой.

– А нижнее бельё оставлять? – спросила Наташа.

– Ну, это уж как хотите.

Сначала она передела Ирочку, потом переделалась сама. Нижнее бельё оставила. Ботинки оказались твёрдые, как дерево, и очень узкие. Наташа с трудом втиснула в них ноги.

– А нет ли у вас другой обуви?

– Эти самого большого размера, – ответила Наталья, разглядывая Наташины лодыжки.

Наташа смутилась и попыталась их втянуть.

– Мама, мне холодно, – сообщила Ирочка.

В этом дешёвом сером платьице дочь выглядела жалко, как ощипанный цыплёнок. У Наташи сжалось сердце.

– Да вы пока курточку наденьте, на съёмках снимете, – сказала Наталья.

– А вы не знаете, долго будут снимать?

– Сегодня снимают короткую сценку, быстро справитесь.

«Значит, и роль будет малюсенькая», – подумала Наташа печально.

Они вернулись в вестибюль. Там уже собрался переодетый народ. В старых платьях, сарафанах, телогрейках, широких штанах и пиджаках они выглядели как оборванцы. Ирочка тихонько заскулила.

– Что ты? – спросила Наташа.

– Мне жалко их, – сказала дочь.

– Почему тебе жалко их?

– Не знаю. Жалко и всё.

Появилась Галина Антоновна.

– Ну что, все готовы?

– Готовы, мамулька, – ответил бодрый старикан в огромной кепке с длинным козырьком.

– Тогда за мной, – сказала она и ухмыльнулась.

Они прошли толпой по гулким коридорам «Ленфильма» и вышли во двор. Там стоял автобус с открытыми дверями.

– Грузимся, грузимся, – скомандовала Галина Антоновна.

У Наташи ломило ступни. Она последней заковыляла в салон, усадила Ирочку к окну и сразу стащила ботинки. Рас-

правив сплюсненные пальцы, достала смартфон и написала маме эсэмэс: «Едем сниматься».

Тяжело вздохнув, автобус тронулся с места.

Дорога заняла полтора часа. Их привезли за город. Автобус остановился, Галина Антоновна, кряхтя, распрямила спину и громко объявила:

– Ох, жопу отсидела.

Дремавшая Ирочка легонько вздрогнула и открыла глаза.

– Всё, мы приехали, – сказала Наташа.

– Куда? – спросила дочь.

– В кино сниматься. Ты что, расхотела?

– Не знаю пока.

Наташа дождалась, пока все выйдут из салона, натянула садистские башмаки на озябшие ноги и выбралась следом. Здесь оказалось гораздо холоднее, чем в городе. И дождь шёл сильнее. Повсюду была слякоть. Наташа застегнула телогрейку и взяла Ирочку на руки.

Съёмочная группа расположилась на краю огромного изрытого поля. Громко тарахтел генератор. Рядом с большой палаткой стоял человек в дождевике и что-то объяснял солдатам вермахта. Офицер, важно кивая, курил айкос.

– Массовка приехала! – крикнула какая-то женщина.

– А Кобелева где? – крикнул в ответ мужчина.

Человек в дождевике закончил объясняться с солдатами вермахта, огляделся и зашагал к Наташе. Это был Кузин.

– Здравсьте-здасьте, – сказал он. – Как добрались?

– Хорошо, – ответила Наташа. – А я думала, будут пробы.

– Вы нам без проб подходите. Идёмте, режиссёр на вас посмотрит.

Наташа пошла следом, прижимая к себе Ирочку.

В палатке сидел небритый мужик лет сорока пяти. С брезгливым выражением лица он смотрел на монитор. Наташа узнала кинорежиссёра Панкрашова. На экране солдаты вермахта шли через поле.

– Хуёво идут, – сказал Панкрашов. – Как-то слишком в ногу. И рожи наши. Ну, видно же, что рожи наши. Немцы, а носы картошкой. Вон, как у тебя прям.

Он оглянулся, увидел Наташу с Ирочкой, икнул и поздоровался.

– А вот и наша мать-героиня, – сказал Кузин.

Панкрашов погладил живот.

– Хорошее лицо, мне нравится.

– Спасибо, – смутилась Наташа.

– Немного глуповатое, миленькое, простенькое. И ребёнок ничего.

– Я же говорил, – сказал Кузин.

– Ладно, тогда сейчас начнём снимать. Яма готова?

– Готова.

– А навоз?

– Водитель звонил, приедет минут через сорок.

– Хорошо. Навоз – это хорошо.

Панкрашов снова повернулся к монитору.

– Ну, что ты думаешь, Серёжа?

– Да нормально, – пожал плечами Кузин.

– Тебе всё нормально. Пусть Галя готовит массовку.

Кузин вывел Наташу из палатки. Подозвал Галину Антоновну.

– Сейчас начинаем. Объясни всё Наде.

– Я Наташа, – сказала Наташа.

– Правда? – почему-то сильно удивился Кузин. – А я думал, Надя.

Галина Антоновна закурила.

– Завтра снег обещали.

– Жаль, не сегодня, хорошо бы смотрелось. Снег, грязь, кровь.

– Кровь? – спросила Ирочка и сжалась.

Наташа перехватила её удобнее. Руки уже потихоньку отнимались.

– Это понарошку, – сказала Галина Антоновна. – Идём.

Они зашагали через поле. Наташа с трудом переставляла ноги в приросших ботинках. Впереди она увидела глубокую яму в форме воронки, на краю которой уже собралась массовка, солдаты вермахта и члены съёмочной группы.

– Значит, Наташ, тут всё просто. Кино о войне. Сцена расстрела. Вы сейчас все лезете в яму, фашисты в вас стреляют, вы падаете, конец сцены.

– И всё? – сказала Наташа.

– Ага. Но ты будешь стоять впереди. Тебя хорошо будет

видно.

– А меня? – спросила Ирочка.

– И тебя, конечно.

– А я думала, надо будет что-то говорить.

– Нет, говорить ничего не надо.

– Может, кулаком погрозить фашистам?

– Зачем? Просто стойте.

– А стрелять будут холостыми?

Галина Антоновна посмотрела на неё как на дурочку.

– Ну, если пиротехники не накосячат... Я шучу, шучу!

Наташа натянуто улыбнулась. Ирочка вдруг прижалась к ней и прошептала:

– Мама, давай уйдём, мне страшно.

– Ну, что ты, что ты, – пробормотала Наташа.

Фашисты в ожидании съёмки копались в своих смартфонах. Оператор зевал, ёжился и пил кофе из большого картонного стакана. Дождь пошёл сильнее. Наташа опустила Ирочку на землю. Та стала поджимать ножки. «Заболит ещё, не дай бог. Права была мама, зря пошли», – подумала Наташа.

– Ну, что, лезем в яму, – сказала Галина Антоновна.

Сама, конечно, не полезла. Артисты массовки, поскользнувшись, стали спускаться. Наташа снова подняла Ирочку и пошла следом. Почти сразу провалилась по щиколотку в жидкую грязь. Ноги моментально промокли.

Галина Антоновна, скрестив руки на груди, стояла на краю.

– Строимся, строимся, – командовала она. – Ты, носатень-кий, встань сзади. Бабулька, ну-ка, иди сюда. Да не навверх, просто на передний план. Подальше, подальше...

«Скорей бы расстреляли уже», – подумала Наташа. От тесноты и холода ноги болели так, что хотелось скулить.

Пришёл Кузин, посмотрел сверху вниз и скривился.

– А почему ребёнок в куртке? С ума сошли?

– Ой, точно, Наташ, давай сюда куртку.

Наташа никак не могла выбраться. Грязь была скользкая, как гололёд. Ирочка весила, наверное, килограмм сто. Все вокруг молча ждали, когда она справится. Ей хотелось крикнуть что-нибудь обидное, даже оскорбительное этим людям, уставившимся на неё, но она стеснялась. Наконец, Кузин спустился на несколько шагов и протянул какую-то грязную палку. Наташа вцепилась в неё и потянула на себя.

– Нет-нет, отпусти! – заорал Кузин. Он стал медленно съезжать вниз. – Куртку на неё повесь.

Ирочка съёжилась и тихонько заплакала. Наташа расстегнула телогрейку, прижала к себе дочь и немножко прикрыла полами.

– Ребёнок плачет, – сказала Галина Антоновна.

Кузин выбрался из ямы, достал рацию и поднёс к губам:

– Андрей, ребёнок плачет.

– Да хуй с ней, пусть плачет, – ответила рация голосом Панкрашова. – Пусть сильнее плачет. Их же сейчас расстреливать будут.

– А можно, чтобы девочка ваша сильнее плакала? – спросил Кузин, лапая грязными руками Ирочкину розовую куртку. – Может, ущипнёте её?

Наташа молча посмотрела на него и поцеловала Ирочку за ушком.

– Или скажите, что в детдом её завтра сдадите, – пошутил один из фашистов.

Остальные дружно заржали.

«Гады!» – подумала Наташа.

– Мамочка, мне страшно и холодно, пойдём домой, – сказала Ирочка.

– Сейчас пойдём, миленькая.

«Расстреляют, и пойдём».

– Внимание, – сказала Галина Антоновна. – В камеру не смотрим, стоим ровно. И не зеваем! По команде «начали» – «выстрел». Массовка всё поняла? Стрельба, и сразу падаете.

На краю ямы выстроились фашисты с винтовками. У одного в руках был ручной пулемёт. Из-за их спин плавно взмыл вверх оператор, сидящий на стреле крана. Ирочка, увидев такое чудо, перестала плакать. Тощая девушка в широких джинсах щёлкнула хлопущкой и протараторила:

– Фашисты, четырнадцать, один.

– Начали! Выстрел!

На их головы обрушился разрывающий уши грохот, огонь, дым и удушающая вонь сгоревшего пороха. Перед глазами у Наташи всё перевернулось с ног на голову. Она рухнула в

грязь от ужаса и шока, забыв про сценарий, про то, где находится, даже про Ирочку. Фашисты продолжали палить в лежащие тела. Но звуки выстрелов были едва слышны. Потом издали донёсся голос:

– Стоп! Снято!

Массовка зашевелилась. Люди оживали и поднимались из грязи. Наташа открыла глаза и увидела перекошенное от страха лицо дочери. Ирочку мелко трясло. Выглядело так, будто она подавилась. Казалось, вот-вот закатит глаза и перестанет дышать. Надо было что-то срочно сделать. И Наташа дала ей лёгкую, почти незаметную пощёчину. Это сработало. Ирочка взвыла. Наташа прижала её к себе и подумала: «Ну, суки, вы мне за это ответите».

Пока другие выбирались из ямы медленно, то и дело поскальзываясь, злая Наташа выбежала быстрее всех. Кузин о чём-то докладывал в рацию.

– Я оглохла! – заорала Наташа.

Ирочка взвыла ещё громче.

Кузин поморщился и опустил рацию.

– Галь, а ты чего, беруши не раздавала?

Галина Антоновна пожала плечами.

– Так я чего... У меня и нет. Мне никто не сказал вообще, что надо.

Кузин кивнул.

– Если мой ребёнок станет заикой, я вас поубиваю! – сказала Наташа, прислушиваясь к собственному голосу. Было

ощущение, что слова выходят из головы с большой задержкой.

– Да не станет он никем, – сказал Кузин раздражённо. – Никаким зайкой. Успокойтесь уже. И не орите тут. Сами согласились сниматься. Вас никто насильно не тянул.

– Куртку отдайте. И отвезите нас в город.

– Съёмка ещё не закончена.

– Вы издеваетесь?

– Мне больше делать нечего? – устало спросил Кузин. – Да не волнуйтесь, сцену расстрела сняли. Больше стрелять не будем. Только снимем, как вас закапывают. Это быстро.

– Там холодно. Мой ребёнок заболевает. И я заболею.

– Не заболеете. Ещё никто не болел.

– Откуда вы знаете?

– Знаю, и всё. Тем более, сейчас можете погреться, чаю попить. Можно и покрепче. Можно даже растереться. У нас спирт есть.

– Я не пью.

– Зря.

– Идите к чёрту!

Наташа пошла прочь, покачивая Ирочку, которая продолжала реветь. От злости она даже забыла про больные ноги. Кузин что-то крикнул в спину. Потом её догнала Галина Антоновна и приобняла за талию.

– Натусик, ну, ты чего? Это же кино! Волшебный мир кино! Ты в кино снялась! Представь, сколько народу тебя уви-

дит. А вдруг тебе предложат ещё сниматься. Может, роль со словами даже.

– Отстаньте, – сказала Наташа.

В горле у неё стоял комок.

– Ну, прекрати, сейчас погреемся, передохнём, быстренько снимемся и всё, поедешь домой, к мужу.

Наташа разрыдалась. Теперь Ирочка её успокаивала, гладила по щекам и говорила:

– Mamочка, успокойся, не плачь, пожалуйста, очень прошу, умоляю, не плачь, мамочка, пожалуйста...

– Какая добрая, милая девочка, – сказала Галина Антоновна и всхлипнула.

В автобусе Наташа немного успокоилась. Села подальше от всех с пластиковым стаканчиком чая, который принесла Галина Антоновна. Слух потихоньку восстанавливался. Другие актёры массовки жрали бутерброды и обсуждали съёмку.

– Громко было, да, – сказал бодрый старикан. – Я думал, может, просто ружьями потрясут, а потом на компьютере выстрелы пририсуют. Ан нет. Всё натурально. Как в жизни.

Наташе неприятно было находиться рядом с этими людьми. Никто из них ей не помог, не поддержал и не утешил. Только смотрели. И наверняка ухмылялись, злорадствовали. Сволочи. Враги.

С улицы раздался крик:

– Говно привезли!

– О! – сказал тип, похожий на алкаша, и поднял вверх ука-

зательный палец.

Пришла Галина Антоновна.

– Ну, что, готовьтесь потихоньку. Навоз выгрузили. Сейчас начинаем.

Наташа вышла из автобуса последней.

– Вы гарантируете, что стрелять больше не будут?

– Да не будут, не будут. С одного дубля сняли нормально. К тому же патронов нет. Бюджета, если честно, хватило на один расстрел. Сейчас закопают вас слегка, и поедем переодеваться.

– Скажите, а вот зачем навоз? Только и слышу: навоз, навоз.

– Ну, как. Вас будут в навоз закапывать.

– Что?!

– Мамочка, что такое навоз? – спросила Ирочка.

– Вы сейчас шутите?

– Нет. Это Андрей Адольфович придумал.

– Адольфович?

– Да, Панкрашов наш, в смысле. Для него это какая-то важная метафора. Я, правда, не очень поняла, но не суть. Он – умный. Я – дура.

– Это же просто безумие и издевательство, – прошептала Наташа.

– Вовсе нет. Идём, Наташ, быстро снимемся и отдыхать.

– Да-да, идите, я догоню, сейчас.

Наташа дождалась, пока Галина Антоновна отойдёт по-

дальше, обошла автобус и прижалась к нему спиной. До опушки леса было метров тридцать. Двигаясь вдоль просёлочной дороги, километров через пять, кажется, можно выйти к шоссе. Какая-нибудь машина наверняка их подберёт.

– Иришенька, солнышко, сейчас ни звука!

– А я молчу, – ответила Ирочка.

– Умница.

Наташа побежала к лесу, остро чувствуя, какая у неё беззащитная спина. Одного выстрела хватит, чтобы перебить эту спину. Ирочка на руках подпрыгивала и немножко похрюкивала. Показалось, что сзади их окликнули. Она побежала на пределе сил, не думая о ногах, которые, казалось, медленно пропускали через мясорубку. Забежав на опушку, она успела поставить Ирочку и повалилась на землю, скуля от боли.

– Мама, что с тобой? – спросила дочь.

– Ничего страшного, зайчик, – простонала Наташа. – Мама ножки натёрла.

Она кое-как стянула эти чудовищные ботинки и злобно швырнула их в кусты. Ноги были испачканы грязью и кровью. Наташа представила себя лежащей на операционном столе, отчётливо пахло лекарствами, она разглядела хирурга, который выбирал пилу для ампутации ступней. Почему-то он выглядел точь-в-точь как её бывший муж.

– Скотина, – прошептала Наташа в адрес хирурга, бывшего мужа, Панкрашова, Кузина, Галины Антоновны и каждо-

го члена съёмочной группы.

– Мамочка, давай на машинке поедем, – сказала Ирочка.

– Конечно, поедем. Надо только выйти к дороге.

– А как ты пойдёшь голыми ножками?

– Они у меня крепкие.

– У тебя есть денежки?

– Есть. А что?

– Заплатить за машинку.

Наташа обняла Ирочку.

– Прости меня, я не знала, что так получится.

Дочь молчала.

– Больше я тебя никогда никому не дам в обиду.

Идти оказалось тяжело и больно. Она подумала, что в ботинках всё-таки было лучше. По крайней мере, там имелась толстая подошва. Прошло совсем немного времени, и Наташа услышала голоса. Она огляделась, но никого не увидела. Наверное, преследователи идут по просёлку. Рано или поздно они её схватят. С такими ногами ей не скрыться. К тому же она толком не знала, в какую сторону идти. Шла почти наугад.

Проковыляв ещё примерно полкилометра, Наташа увидела кривой, покосившийся сарай. Он стоял неподалёку от опушки.

– Иришенька, надо будет передохнуть чуть-чуть, мама устала.

– Хорошо, мамочка, – сонно ответила Ирочка.

Петли оказались насквозь ржавыми, дверь пришлось открывать двумя руками. Внутри всё было завалено старым влажным сеном. Наташа тяжело повалилась на него, не обращая внимания на запах гнили. Ноги пульсировали. Глаза закрывались. Наташа равнодушно подумала, что если умрёт тут, то ничего страшного. Потом вспомнила про Ирочку. Нет, надо выбираться. Как угодно. Сделать из сена обувь и хоть пешком идти до города. Она представила, как плетёт себе лапти. Можно ободрать бересту, а сено использовать как стельки. Жаль, она не умеет летать. Это было бы здорово. Почему у людей нет такой способности? У глупых птиц есть. А у умных людей нет.

Всхрапнув, Наташа проснулась и услышала голоса. Со всем рядом. Они окружали сарай.

– Ириша, – прошептала Наташа. – Ты слышишь?

Она стала яростно рыть нору в вонючем сене. Сначала закопала Ирочку. Потом зарылась сама. Кто-то подошёл к двери и потянул. Петли заскулили.

– Наталья, выходите, – раздался голос Кузина. – Что вы устроили, а? Не делайте больше глупостей.

Слышно было, как он топчется совсем рядом.

– Не хотите сниматься, отказываетесь? Никто насильно заставлять не будет. Снимем и без вас. Только нам уже пора в город возвращаться. Мы вас тут бросить не можем, сами понимаете.

Наташа не дышала.

– Ну, что вы дурака валяете, Наталья? Думаете, я вас не вижу? Давайте выходите. Там люди, между прочим, ждут.

Она высунула из сена голову.

– Хоть бы дочь пожалели, – сказал он неприязненно.

Выкопав Ирочку, Наташа взяла её на руки и вышла из сарая. На улице она увидела Галину Антоновну, актёров маскировки и солдат вермахта. Все смотрели на неё брезгливо. Один из фашистов вдруг вскинул винтовку и, скалясь как идиот, заорал:

– Хенде хох!

Хуже героина

Складным ножом Шилкин вырезал на руке имя жены. Четыре буквы: Р И Т А. Он и сам не до конца понимал, зачем это сделал. Лезвие было тупое, надпись получилась кривоватая, как почерк первоклассника.

– Дурачок, – сказала жена, когда увидела. – Но знаешь, я поняла. Ты действительно меня любишь. И я тебя люблю сильно-сильно. Никогда тебя не брошу. Никогда не предам. Буду любить до конца своей жизни.

Рана заживала плохо. Стала гноиться. Пришлось принимать антибиотики. Но в конце концов порезы затянулись. Надпись осталась в виде шрамов.

Через два года всё закончилось. Рита ушла к другому мужику. Расстались плохо, с руганью. Уходя, она швырнула в Шилкина его любимую кружку, но промахнулась и разбила окно на кухне. Пришлось вызывать стекольщика. Весна выдалась холодная. То и дело сыпал снег.

Шилкин был школьным учителем и первое время немного отвлекался работой. Учебный год заканчивался. Приближались экзамены. Страдать было некогда. Хотя спал он плохо. Почти не спал. То и дело хватал телефон и смотрел страницы Риты в соцсетях: «ВКонтакте», «Инстаграм», «Фейсбук». Она его не заблокировала. Но это ничего ему не давало. Рита не обновляла информацию, не писала посты, не добавляла

новые фотографии. Наверное, слишком была занята своими новыми отношениями. Так думал Шилкин. И от этих мыслей было ощущение, что его медленно раздирают крюками. Ночи были адские. Днём становилось полегче. Один раз он даже над чем-то засмеялся.

В первый день отпуска Шилкин слонялся по квартире, не находя себе места. Вспомнил, как ровно год назад они с Ритой собирали чемоданы. Их ждал Кипр. Две чудесных недели. Было ли это на самом деле? Или ему всё приснилось?

Он не выдержал и позвонил ей. Неожиданно она ответила. – Послушай, – сказал Шилкин. – Мы плохо расстались. Мне кажется, это неправильно. Давай по-человечески попросимся. Без обид, злобы и прочего.

Рита молча повесила трубку.

Ничего не соображая, Шилкин глядел на телефон. Может, она как-то случайно нажала ухом отбой? Или у неё разрядился аккумулятор? Или в этот момент случился конец света, и всё сгинуло? Он посмотрел в окно. Мир был на месте. Светило солнце. Через двор шёл мужчина с псом на поводке. Проехала машина. Так почему же она ничего не сказала? И зачем ответила? Ведь она видела, что это он ей звонит. Или не видела, потому что ослепла. Бог наказал её за измену, поразил молнией, и у неё вытекли глаза. Такое может быть? Он чуть было не перезвонил. Но в голову вдруг пришла простая мысль, которая его немного успокоила. У неё мелкая, трусливая душонка, вот и всё.

Но оставить в покое соцсети никак не получалось. Это перешло в навязчивое состояние – регулярно проверять, когда она была онлайн. И мелкая её душонка никак тому не мешала. Каждый раз, видя новое сообщение, Шилкин начинал ужасно волноваться. Сразу не решался посмотреть, от кого оно пришло. А вдруг она раскаялась, просит прощения, умоляет принять назад и всё такое прочее. Понимал, что глупо, глупее не придумать, но ничего не мог с собой поделать. Он немножко свихнулся. Как в тот раз, когда резал руку.

Пить Шилкин не собирался. Знал, что пьянствовать из-за бабского предательства – самоубийство. Он искал какое-нибудь занятие. Один приятель посоветовал купить абонемент в спортзал.

– Тебе надо привести себя в форму. Подкачаться. А то ты выглядишь так, будто вчера освобожден из Бухенвальда. Сделай себе хороший пресс, ноги, руки и шею. Бабам нравятся крепкие, накачанные шеи.

– Ага, – сказал Шилкин. – Так и сделаю.

Вместо этого он опять стал курить. Три с половиной года не прикасался к сигаретам. И вот снова каждое утро начинал с затяжки. В течение дня сжигал примерно полторы пачки. Рита терпеть не могла табачный дым. Она его и заставила в своё время бросить. Теперь никто не мешал ему травиться. Хоть какая-то радость.

Прошёл месяц. Он был похож на один бесконечный день. Шилкин по-прежнему плохо спал. Ел через силу. Курил всё

больше. Надо было как-то выбираться из этого состояния. Он записался к психиатру, который вёл приём в районной поликлинике. Это стоило четыреста пятьдесят рублей. И давало крохотную надежду на улучшение.

В назначенное время Шилкин зашёл в кабинет. За столом сидел пожилой дядька в белом халате с усталым и брезгливым выражением лица.

– Как часто мочитесь во сне? – сразу спросил он. – Какова регулярность?

– Я вообще почти не сплю, – ответил Шилкин.

– Так, ага. Значит, не спите, чтобы не мочиться?

– Нет. Просто у меня бессонница. Мне нужно снотворное или антидепрессанты. Вам виднее, наверное.

Врач открыл ящик стола, достал упаковку жёлтого «Холлс», кинул в рот леденец и немного почавкал.

– Вы ошиблись кабинетом. Вам туда, – сказал он и показал большим пальцем себе за спину.

Психиатром оказалась симпатичная женщина лет тридцати. На её лице читалась скука. Перед ней лежал смартфон, время от времени издающий булькающие звуки. Она отвлекалась, чтобы кому-то написать.

Шилкин коротко рассказал свою историю.

– Депрессии у вас нет, – сказала психиатр. – Да и вообще я не очень уважаю антидепрессанты. Выпишу вам феназепам на полгода. Но вы им не увлекайтесь. Лучше гуляйте побольше. Запишитесь в спортзал.

– Я гуляю. И я записался как раз, – соврал Шилкин.

– Умница! Если улучшений не будет, советую обратиться в ПНД. Там хорошие специалисты. Но я думаю, скоро вас отпустит. В сущности, ничего сверхъестественного не случилось. Знаете статистику разводов?

– Нет. Не интересовался.

– Восемьдесят пять процентов.

– А вы замужем? – спросил Шилкин.

Она дежурно улыбнулась.

– Это вас не касается.

– Как вы считаете, почему она мне не ответила, почему не захотела проститься по-человечески?

– Ну, понимаете, чужая душа – потёмки. Вы ведь вашу жену лучше знаете.

– Я теперь думаю, что совсем её не знал.

– Может, в этом всё дело?

По пути домой он зашёл в аптеку. Фармацевт вернула ему рецепт.

– Я не могу это принять. Там ошибка. Вот, видите, в латинском названии. Оно неправильно написано.

– Ничего в этом не понимаю, – сказал Шилкин.

– Вернитесь к врачу, пусть она перепишет. В таком виде я рецепт не возьму.

– Ладно.

Выйдя из аптеки, Шилкин смял рецепт и кинул в урну.

Вечером во «ВКонтакте» пришло сообщение от незна-

комки.

«Здравствуйте, Антон. Меня зовут Людмила. Нам нужно встретиться и поговорить. Это касается вашей жены».

Он заглянул в её профиль. Там ничего не было: ни фотографий, ни друзей, ни музыки. Кажется, страницу создали только что.

«О чём конкретно речь?» – спросил Шилкин.

«Расскажу при встрече», – ответила она.

«Хоть что-нибудь скажите. Мне важно знать».

«Я понимаю. Но сейчас я ничего сказать не могу. Надо лично. Когда вам удобно? И где?»

Шилкин задумался. Получалось плохо. Хотя он и понимал, что глупо переживать из-за женщины, предавшей его, ставшей для него чужой. Правильнее было бы ответить этой Людмиле так: «Меня это не касается». И забыть. Но побороть себя не смог. И написал:

«Завтра я свободен весь день. Можно в центре встретиться».

«Прекрасно. Как насчёт полудня? Знаете, есть такое кафе „Счастье“? Напротив Исаакия. Предлагаю там».

«Договорились».

Потом Шилкин расхаживал по квартире. В голову лезли мысли. Что происходит? Что случилось с Ритой? Она в беде? Может, она тяжело заболела? А я чем могу помочь? Зачем мне написали? Кто эта баба? Её подруга? Может, какая-то мошенница?

Он не мог успокоиться. Выкурил полпачки сигарет. Не заметил, как наступила ночь. Хотелось кому-нибудь позвонить или написать, спросить мнение. Но звонить и писать было некому.

Сон долго не шёл. Шилкин ворочался, ворочался, ворочался, вставал, курил, снова ворочался. Простыня свернулась в трубочку. Он скинул её на пол. Ближе к утру получилось зыбко подремать. От этого стало только хуже. Шилкин проснулся слабым, разбитым, с ощущением, что тело набито ватой. Особенно голову. По пути в ванную он споткнулся о простыню и чуть не упал.

– Ёбаный в рот! – заорал Шилкин.

Внезапно он решил никуда не ехать. Зачем ему это надо? Совершенно незачем. Лучше вернуться в кровать и проспять весь день. А может, и жизнь. Чем бегать за сплетнями и слухами о бывшей бабе. Только последний идиот станет этим заниматься. Точно не он. Он – мужик. У него есть хребет. Пусть эта подлая сука сквозь землю провалится. Вместе с хахалем. И всеми, кто захочет что-нибудь о ней рассказать. Его это больше не касается. Каким же он был жалким дураком, что звонил ей, сходил с ума, не спал, не ел, даже пару раз немножко поплакал. Омерзительно. И стыдно.

Он закурил, лёг на кровать и взял смартфон. От Людмилы пришло новое сообщение.

«Доброе утро, Антон. Всё в силе?»

Шилкин сильно затянулся сигаретой, столбик пепла отва-

лился и упал ему на грудь.

Всю дорогу он повторял: «Ты проиграл. Слабак. Тебя убили. Куда идут твои ноги? В плен, вот куда». Но остановиться не мог. На встречу он пришёл без десяти двенадцать. Людей в кафе было немного. Слышалась иностранная речь. Он сел за первый попавшийся свободный столик, достал сигареты. Подошла официантка с меню.

– Извините, курить у нас запрещено.

– Хорошо, я не буду.

Шилкин полистал меню, чтобы чем-то себя занять. Потом проверил соцсети. Сообщений не было. Он решил, что подождёт пять минут и уйдёт. В кафе вошла высокая, стройная блондинка в чёрном узком платье и белых кроссовках. Шилкин подумал, что это и есть Людмила. Он развернулся к ней вполоборота. Она двинулась в его сторону и прошла мимо. Следом появилась женщина-лилипут. Спросила что-то у официантки, та кивнула и куда-то её увела. Шилкин посмотрел на часы. Ровно полдень. На Петропавловке, наверное, как раз выстрелили из пушки. Здесь, конечно, не было слышно.

К столику подошла женщина.

– Здравствуйте, – сказала она. – Это я вам писала.

На вид ей было лет сорок, очень худая, с усталым, неприметным лицом.

– Рад познакомиться, – пробормотал Шилкин.

Она села напротив, достала из сумочки круглое зеркаль-

це, посмотрела на себя и вздохнула.

– Сплю плохо. А вы тоже?

Шилкин не ответил. Явилась официантка с новым меню.

– Этого не надо, – сказала Людмила. – Чёрный кофе без сахара.

– Мне тоже, – подал голос Шилкин.

Когда официантка ушла, он спросил:

– А вы кто?

– Вам, наверное, это странным покажется. Только не убегайте сразу.

– Да чего мне убегать, – пожал он плечами. – Вы писали, что хотите что-то про мою жену рассказать.

– Не совсем. Я писала, что это её касается. И вас. И меня. Всех.

– И что там? – спросил Шилкин как можно небрежнее.

– Ну, дело в том, что я жена того мужчины, с которым ваша жена сейчас живёт.

– Ого!

– Да, вот так. Мы с ним прожили семь лет, а сейчас он к вашей жене сбежал, меня бросил.

Шилкин испугался, что она расплачется. Надо было что-нибудь сказать, чтобы её отвлечь. Но в голову ничего не пришло. И он пробормотал:

– Интересно, интересно.

Людмила посмотрела на него. Похоже, она и не собиралась лить слёзы. Сейчас, по крайней мере.

– Согласна. Всё это интересно.

– А как вы про меня узнали? – спросил Шилкин.

– Я на днях зашла в его профиль «ВКонтакте» и почитала переписку с вашей женой.

– Вы хакер, что ли?

– Я просто подобрала пароль. И читала всю ночь. Знаете, это было так увлекательно. Меня ни одна книга так не прорадила, как их переписка. И там было про вас. Она ему рассказывала.

– А что рассказывала? – спросил Шилкин, поджав пальцы на ногах.

– Да ничего особенного. Просто представила вас ему. Кинула ссылку на страницу. Там другого было больше. Например, как он проебёт ей жопу, отрахает между сисек.

– Что? Что?

Показалось, что стул из-под него куда-то поехал. Шилкин испуганно привстал.

– Ага, – сказала Людмила. – Ещё она его просила кончить ей на лицо. А он обещал ей в гланды зарядить. Смешно звучит, да? Это в самом начале, она ещё, наверное, с вами жила. Ну, а он со мной, соответственно. Она всё время просила пожётче её трахать.

– Перестаньте.

Пришла официантка с подносом. Долго ставила чашки на стол. Шилкину захотелось вылить кофе ей за шиворот и дать пинка.

– Неприятно? – спросила Людмила. – Мне тоже.

Он дождался, пока официантка уйдёт, и спросил.

– А что вам от меня надо? Вы чего хотите?

– Вы ведь учитель английского?

– Да. А что?

– Скажите что-нибудь по-английски.

– Зачем?

– Ну, скажите. Жалко, что ли?

Он ничего не мог придумать. В голове крутились порнографические сцены с участием Риты и её хахаля. Очень яркие.

– Антон, – окликнула Людмила. – Вы тут?

– Что? Май нейм ис Антон. Ай эм э тичер. Чего вы пристали?

– Не злитесь. Я хотела вас отвлечь. А то у вас лицо сползло, когда я сказала, чего они там друг другу писали.

Он молчал.

– А вот видите, за вами англичане сидят? О чём они говорят?

Шилкин оглянулся. Два обрюзгших мужика, обоим лет по пятьдесят, пили пиво и негромко переговаривались.

– Это американцы, а не англичане. Один другому рассказывает, как ходил вчера в русский подпольный бордель. Проклятая русская шлюха отказалась сунуть ему ногу в жопу.

– Вы шутите?

Шилкин откинулся на спинку и немного сполз.

– Мне вообще не до шуток. Они и правда про это говорят. А второй говорит, что в Таиланде обычно таких проблем не возникает.

– Как вы поняли, что это американцы?

– Ну, язык у них отличается. Понимаете? Язык отличается. Произношение у них другое. Будто у них рот набит. Понимаете? Они будто бы жуют и говорят одновременно.

Он схватил свою чашку, хлебнул и чуть не заорал. Кофе был очень горячий. Шилкин с трудом проглотил и зажал рот рукой. Людмила смотрела на него с жалостью.

– Антон, простите, что я вам это рассказала. Думала, вы и сами понимаете, что к чему.

– В общих чертах.

– Я не могла в себе это держать.

– Что вы от меня хотите? – спросил Шилкин устало.

– Мне кажется, я за какую-то соломинку хватаюсь, – ответила Людмила, постукивая ногтями по своей чашке. – Меня предали. Вы это хорошо понимаете. А перед этим я тяжело болела, лечилась. Всё одно к одному. Тут меня чёрт дёрнул заняться шпионажем. И это меня совсем прибило. Я хотела умереть. А потом подумала, что вот есть ещё один человек, которому, наверное, так же плохо, как мне. Вам ведь плохо.

Шилкин молчал. Он закинул ногу на ногу и скрестил руки на груди.

– И мне показалось, что мы можем друг другу как-то помочь, – закончила Людмила.

Они шли по улице. Шилкин курил на ходу, рассеянно смотрел по сторонам и мысленно проговаривал увиденное: дом, небо, машина, машина, машина, а222 см.78, окуроч, стена, засохшая моча.

– Сколько вы прожили? – спросила Людмила.

– Четыре года.

– А мы семь. До этого год встречались и всё такое. Ничто не предвещало. Жили мирно, спокойно, даже скучно. И вдруг... Вы уже развелись?

– Мы не расписывались, – сказал Шилкин.

– Почему?

– Это так важно, что ли?

– То есть она не носила вашу фамилию?

– Нет. А это так важно? – повторил Шилкин.

– Для женщины – важно, – сказала Людмила.

– А у вас сейчас фамилия мужа?

– Да.

– Оставьте её после развода?

Она промолчала.

– Думаю, это всё не имеет значения, – сказал Шилкин.

Дохлаый голубь, пивная банка, флаер, старик, окно, продукты 24 часа.

– Для женщины – имеет.

«Тебе сильно помогло?» – подумал он злобно.

А вслух сказал:

– Все эти церемонии и любовь никак не связаны.

– А что такое любовь? – спросила Людмила.

Шилкин остановился, кинул окурок в направлении урны,

но промазал.

– Не знаю. Раньше думал, что знаю. Но оказалось, что не знаю.

– А жена вам говорила, что любит вас?

– Ну, конечно, говорила.

– Муж мне тоже говорил, что любит.

– Она мне говорила, что любит, буквально за пару дней до того, как ушла. Зачем?! Слушайте, а когда у них это началось?

– Примерно полгода назад. Сначала они были просто любовниками, а потом решили съехаться. Мой дурак снял квартиру. Совсем голову потерял.

– Сколько ему лет? – спросил Шилкин.

– Тридцать один. А что?

– Подумал, может, он какой-то старый пердун, лысый, пузатый, уродливый козёл.

Людмила нервно хихикнула.

– Нет, он не такой. Он красавец. Рост метр девяносто, широкие плечи, сильные руки, идеальный пресс, мощная шея, глаза невероятные. Вы бы видели!

– Меня не интересуют мужские глаза, – сказал Шилкин. –

Я не пидорас.

– Не злитесь. Мне тоже плохо и тошно.

Они вышли на набережную.

Машины, машины, машины, люди, люди, люди...

– Пойдёмте назад, – сказала Людмила. – Я рядом с кафе припарковалась, не хочу далеко уходить.

На обратном пути разговаривали мало. Им встретилась женщина-лилипут. Она ела мороженое в вафельном стаканчике.

– Сначала я подумал, что это вы, – сказал Шилкин.

– В каком смысле?

– Она зашла в кафе как раз перед вами, и я решил, что она и есть вы.

Людмила промолчала.

– Но перед ней была блондинка, сплошной секс ходячий, и я тоже подумал, что это вы.

Она издала тихий булькающий звук. Шилкин покосился и увидел, что Людмила тихонько плачет. Лицо почти ничего не выражало, но по щекам текли слёзы. Он остановился, отыскал в кармане носовой платок. Тот выглядел ужасно, весь в каких-то жёлтых разводах и пятнах. Шилкин сунул его обратно. Людмила уткнулась лицом в его плечо и завывала.

– Ну, ну. – Шилкин осторожно погладил её по спине. – Ну, ну. Ну, ну. Ну, ну. Ну, ну.

«Заткнись уже», – сказал ему внутренний голос. Но он ещё раз пробормотал:

– Ну, ну.

Прохожие смотрели на них.

«Решат, что она моя баба, и я довёл её до слёз», – подумал

Шилкин.

– Это невыносимо, – сказала Людмила. – Я хочу стать тигрицей. Пойти и загрызть их. И валяться в их крови.

– Ну, ну.

– Что же делать, Антон?

– Хотел бы и я знать. Да вот не знаю.

Она немного поплакала, потом вытерла лицо бумажной салфеткой и высморкалась в неё.

– Извините, накатило что-то.

– Я понимаю, – сказал Шилкин.

– Реву, реву, а легче не становится. Вы плакали?

– Нет, я не плакал, – соврал он.

– Пьёте?

– Совсем не пью.

Мимо них, держась за руки, прошла парочка. Девушка смеялась, а парень что-то нашёптывал ей на ухо.

– Потом он её бросит ради жирных сисек, – сказала Людмила.

– Или она его, – ответил Шилкин.

– Вы антидепрессанты принимаете?

– Нет. А что?

– Думаю, может, мне начать.

– Это надо с врачом консультироваться.

– Погодите-ка, я кое-что придумала. Стойте тут.

Людмила зашла в «Продукты 24 часа». Шилкин подумал, что выйдет она с бутылкой. Но Людмила вернулась с двумя стаканчиками мороженого.

– Держите.

– Спасибо.

Он испытывал отвращение к любым молочным продуктам. Однажды в детстве Шилкин тяжело заболел гриппом. Бабушка напоила его тёплым молоком. Шилкина вырвало творогом.

– Сахар успокаивает, – сказала Людмила.

– Ага.

Он откусывал мороженое большими кусками, хотел поскорее сожрать его, чтобы не мучиться.

– Надо было вам два взять, правда? – спросила Людмила.

– Нет, одного хватит.

Его замутило. А от холода свело челюсть и затылок. Выждав момент, когда Людмила отвернётся, он выкинул остатки в урну. Они подошли к кафе. Шилкин посмотрел на вывеску – «Счастье».

«Ага, счастье», – подумал он.

Из кафе вышли американцы. Один вяло чесал яйца сквозь шорты. Второй пытался прикурить.

Людмила открыла дверь красной «шкоды».

– Хотите, покажу кое-что интересное?

– Что? – спросил Шилкин.

– Залезайте, прокатимся кое-куда.

– Далеко?

– А вы спешите?

– Нет. Куда мне спешить?

Шилкин сел в салон и пристегнулся.

Они приехали в спальный район на северной окраине города. Людмила остановила машину во дворе панельной десятиэтажки.

– Видите окна на пятом этаже? – Она показала пальцем.

– Да. А что там? – спросил Шилкин.

– Там живут они.

Он молча уставился. Потом отвёл взгляд.

– Откуда вы узнали?

– Тоже из переписки. Откуда же ещё? Они обсуждали варианты съёмной квартиры. Он ей посылал адреса. Потом вместе ездили смотреть. Это ещё тогда, когда они с нами жили.

Шилкин опять посмотрел на окна. Представил, что Рита прямо сейчас там. И хахаль с ней. В голову полезла порнография.

– Давайте уедем.

– Не волнуйтесь, Антон. Там сейчас никого нет. Они улетели на Кипр шесть дней назад.

– На Кипр?

– Да, на Кипр. А что? Вы с ней тоже ездили на Кипр?

Шилкин промолчал.

– Вижу, ездили. Я с ним на Кипре не бывала. Но мы много где отдыхали. В Турции, Вьетнаме, Таи ланде, Крыму, Сочи, Анапе, по Европе ездили. В Австрии мне понравилось.

«Значит, это она ему Кипр предложила», – подумал Шилкин.

– Зачем вы меня сюда привезли? – спросил он.

– А вам неинтересно было увидеть?

– Что тут интересного? Всё равно что в бочку с говном провалиться.

– Считаете? А я сюда одно время приезжала постоянно. Как на работу. Машину оставляла в соседнем дворе, чтобы он не увидел. А сама в беседке сидела. С утра до вечера. Со мной уже местные собачники здороваться стали, как со знакомой.

– А зачем вы это делали? – спросил Шилкин. – Это же мазохизм.

– Я уверена, что если бы вы знали, где они живут, вы бы и сами сюда приезжали.

Шилкин вылез из машины и закурил. Прошла старушка с таксой на поводке. Потом женщина с коляской. Он смотрел на окна. Ему хотелось подняться и посмотреть на дверь их квартиры.

«Увёл Риту мою, сучий ёбарь», – подумал он горько.

Людмила наклонилась к пассажирскому сиденью и открыла дверь.

– Антон, я что-то не могу телефон свой найти. Вы не мог-

ли бы мне позвонить?

– Да, конечно.

Она продиктовала номер. Шилкин набрал. Где-то в салоне тихо заиграла классическая музыка. То ли Моцарт, то ли Бетховен. Шилкин в этом не разбирался. Он залез назад. Людмила держала в руке красный айфон.

– А можно я положу вам голову на плечо и сфотографирую нас? – спросила Людмила.

– Зачем?

– Выложу в «Инстаграм». В сторис. Я уверена, он их смотрит анонимно. Пусть видит, что у меня всё хорошо, что я счастлива.

– Да это же глупости всё. Им обоим наплевать. Ей на меня. А ему на вас.

– Как от вас неприятно пахнет табаком, – сказала Людмила.

Она сунула телефон в сумочку и вырулила со двора.

– Тут метро есть поблизости? – спросил Шилкин. – Высадите меня там, пожалуйста.

– Поедете домой?

– Да. А куда же?

– Что делать будете?

– Придумаю что-нибудь.

– Ну-ну. А тяжело найти себе занятие, когда тебя выкинули, как старую газету, правда? – сказала Людмила. – По себе знаю.

– Лягу спать. Я не спал ночью. Голова как чугун.

Людмила проскочила перекрёсток на красный свет. Сзади возмущённо сигналили.

– Теперь повсюду камеры стоят, штраф за нарушения прямо по почте присылают, – сказал Шилкин.

Она злобно хохотнула.

– А то я не знаю! Думаете, мне не пофигу?

Он отвернулся и стал смотреть в окно.

Дома, дома, дома...

«Как же скучно», – подумал Шилкин.

Через несколько кварталов Людмила остановила машину у перекрёстка.

– Метро там.

– А, спасибо.

Больше они ничего друг другу не сказали. Шилкин вылез, закурил и перешёл дорогу. «На хрен я вообще с ней встречался?» – подумал он.

Дома было тоскливо и пусто. Шилкин заварил чай, но понял, что не хочет его пить. Вылил в раковину, вымыл чашку и немного побродил по квартире. Спать не хотелось, но он лёг. Ему вдруг почудилось, что прямо сейчас случится что-то плохое. Например, взорвётся дом. Или кто-то выбьет дверь, забежит в квартиру и изрубит его топором прямо на кровати. Мысли были отстранённые, спокойные. Он незаметно уснул и увидел сон, в котором сидел на диване и смотрел, как Риту трахает её новый хахаль. Тот понемногу уско-

рял темп и разогнался так, что расплылся.

«Ебёт её со скоростью света, гадина», – подумал Шилкин.

Проснувшись, он увидел, что наступила ночь. Под окнами, гремя музыкой, проехала машина. В форточку сквозил ветерок. Пахло осенью. Шилкин подумал, что отпуск скоро закончится.

Через пару недель позвонила Людмила. Был вечер. Шилкин варил макароны на ужин. Есть ему не хотелось. Но он решил, что голодать из-за бабского предательства так же глупо, как и пьянствовать. И аккуратно съедал завтрак, обед и ужин. В промежутках между приёмом пищи он пытался читать, пытался спать, пытался смотреть кино и порнографию, пытался жить обычной никчёмной жизнью. Людмила была первым человеком, позвонившим ему за последнее время. Шилкин обрадовался ей.

– Простите, что беспокою, – сказала она. – Просто не знаю, кому позвонить.

– Всё нормально, – ответил Шилкин. – Что-то случилось?

– Мне плохо, Антон. Мне невыносимо. Я сижу и смотрю на ножи.

– Какие ещё ножи?

– Японские кухонные ножи. Их купил муж. Он любил готовить, знаете.

– Зачем вы на них смотрите? Не смотрите.

– А вы любите готовить?

Шилкин помешал столовой ложкой плавающие в кипя-

щей воде макароны, белые и толстые, похожие на дождевых червей.

– Я как раз сейчас этим занят.

– А я не могу есть. Сил ни на что нет. Всё идёт прахом.

– Ну, ну, – сказал Шилкин. И одёрнул себя. Но в голову больше ничего не пришло.

– Приезжайте. Мне очень страшно и одиноко. Я закажу вам такси. Побудьте со мной немного. Вам ведь тоже страшно и одиноко, правда?

– Где вы живёте? – спросил Шилкин.

– А вы приедете?

– Да.

– Сейчас?

– Да.

Она назвала адрес.

– Вы не обманете?

– Нет, конечно.

– Я жду вас.

Он погасил огонь, вода перестала кипеть, и макароны медленно опустились на дно кастрюли. Шилкин переоделся и вызвал такси. Спускаясь в лифте, он подумал: «Может, всё это не просто так, а судьба? Предопределение какое-то. Может, вообще всё, что происходит, не зря?»

Такси подъехало минут через пять. Шилкин успел выкурить сигарету. Водитель уточнил адрес и дал по газам. Ехал он очень быстро, перестраиваясь из ряда в ряд, игнорируя

предупреждения навигатора о дорожных видеокамерах. Наверное, машина была чужая. Или ему тоже было пофигу.

Когда заехали во двор, Шилкин увидел Людмилу. Она стояла рядом с подъездом.

– Туда, – сказал он.

– Жена встречает? Как хорошо, – ответил таксист.

Шилкин расплатился и вылез. Ему вдруг захотелось обнять эту женщину, но он не решился и просто сказал:

– Не стоило выходить. Я бы не заблудился.

– Решила немного подышать, – ответила она. – Из дома толком не выхожу сейчас.

Она жила в трёхкомнатной квартире на втором этаже.

– Если хотите, можете тут курить, – сказала Людмила. – А вы поели? А то у меня только пакет мандаринов и какой-то старый сельдерей. Кофе хотите? Или чай?

Людмила заметно нервничала и суежилась.

– А вина? У меня есть пино гриджо, есть кагор. Или вы совсем-совсем не пьёте ничего?

– В винах я ничего не понимаю, – сказал Шилкин. – Но, наверное, можно немного выпить.

Он подумал, что бухать из-за бабского предательства и выпивать в компании милой женщины совсем не одно и то же.

Они устроились на кухне. Людмила принесла бутылку и бокал.

– Вы не будете? – спросил Шилкин.

– Нет-нет. Мне сейчас нельзя. На завтра одно дело наметила, голова должна быть ясная.

Он выдержнул штопором пробку и налил половину бокала. Людмила внимательно смотрела, как он пьёт.

– Как вам? Нравится?

– Ну, да, – сказал Шилкин. – Хорошее вино.

– Ага. Его любимое.

– Что? Кого? – спросил он. И тут же догадался. – А.

– Нет, он много не пьёт. Но любит иногда вечером пару бокальчиков выпить. Именно вот это вино.

– Хорошее вино, – повторил Шилкин.

Он быстро допил и решил больше не наливать.

– А ваша пьёт?

– Моя? А, нет. Мы с ней оба не пили.

– Совсем, что ли?

– Она вела здоровый образ жизни.

– Почему вела?

– Ну, и сейчас ведёт.

– Говорите так, будто она умерла.

Людмила стала расхаживать по кухне. Шилкина это немного нервировало.

– Она моложе вас или старше?

– Мы почти ровесники.

– Так кто моложе?

– Она моложе на два месяца.

– А кто она по гороскопу? – спросила Людмила.

– Я в этом совсем не разбираюсь. Кажется, лебедь или что-то такое.

– Кто-кто?

Она засмеялась. Потом захохотала.

– А вы кто? Гусь?

– Да вроде нет.

– Извините. Глупость сказала. Когда она родилась?

– В августе.

– Лев или дева?

– 6 августа. А я 11 июля.

– Лев и рак?

– Вам виднее.

– Муж мой – телец. А я рыбы.

«Зверинец», – подумал Шилкин.

– Замечательно, – сказала Людмила. – Львы с тельцами плохо уживаются.

– А вы в этом разбираетесь?

– Немного.

Наконец, она села.

– Как вы считаете, зачем она это сделала?

– Рита? – спросил Шилкин.

У Людмилы немного скривилось лицо.

– Да-да, она.

– А что сделала?

– Ушла от вас. И увела моего мужа.

– Вы уверены, что это она увела, а не он её увёл?

– Я ведь читала переписку. Она в него вцепилась, как удав.

– Он сильно упирался? – спросил Шилкин.

Людмила вздохнула.

– Он голову потерял. У нас был сложный этап. Я заболела. Мне делали операцию. Лежала в больнице. Почему вы не пьёте вино? Он много сил потратил, это правда. Я думаю, ему хотелось сделать какую-то перезагрузку, что ли. А ваша? Почему она от вас ушла?

– Мне кажется, тут всё просто. Влюбилась в другого мужика, меня бросила. Заурядная история.

– Гнилая история.

– Вы правы, наверное.

Людмила взяла бутылку и налила ему полный бокал.

– Они сегодня вернулись с Кипра.

Шилкина кольнуло.

– Откуда вы знаете?

– Я его «Инстаграм» смотрю.

– Ну, что ж, – пробормотал Шилкин и выпил половину бокала.

– Я сегодня опять туда ездила, – сказала Людмила. – Я опять сорвалась. Ненавижу себя.

Она размахнулась и отвесила себе увесистую пощёчину. Шилкин вздрогнул.

– Ведь он клялся любить меня до конца жизни.

– Я понимаю, – сказал Шилкин. – Рита мне тоже такое говорила.

– Вы не могли бы при мне не упоминать её имя?

– Может быть, мы и вовсе тему сменим?

– Прекрасно. О чём поговорим?

– Ну, не знаю. Какой у вас любимый фильм?

Людмила посмотрела на него.

– Любимый фильм? «Вечное сияние чистого разума».

Обожаю. А у вас?

– Так сразу и не вспомнить.

– А у вашей?

– Она Тарантино любила.

– Любила? Почему вы о ней всё время в прошедшем времени?

– Не знаю. Непроизвольно.

– Мой любит советские комедии: «Любовь и голуби», «Приключения итальянцев в России» и всё в таком духе.

Шилкин не знал, что сказать.

– Сволочь, – сказала Людмила. – Не вы. Он. Я его ненавижу. А вы?

– Его?

– Нет, не его. Её.

– Ненависти у меня к ней нет, – сказал Шилкин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.